

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Климашин А.Л., Арсланов Р.А. Образовательная политика Российской империи в Туркестанском крае в зеркале отечественной публицистики конца XIX – начала XX вв // Genesis: исторические исследования. 2025. № 1. С.65-79. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.1.71562 EDN: WVLAYN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71562

Образовательная политика Российской империи в Туркестанском крае в зеркале отечественной публицистики конца XIX – начала XX вв.

Климашин Алексей Львович

ассистент; факультет гуманитарных и социальных наук; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Макля, 10-2

✉ klimashinaleksei@mail.ru

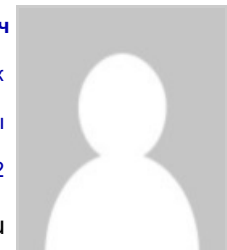
Арсланов Рафаэль Амирович

доктор исторических наук

профессор; кафедра истории России; Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Макля, д. 10 корп. 2

✉ ars_raf@mail.ru

[Статья из рубрики "Запад - Россия - Восток"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.1.71562

EDN:

WVLAYN

Дата направления статьи в редакцию:

23-08-2024

Дата публикации:

27-01-2025

Аннотация: Объектом исследования является процесс становления образовательной системы на среднеазиатских территориях Российской империей в конце XIX – начале XX

вв. Предмет исследования – отражение процесса становления образовательной системы Средней Азии в отечественной публицистике конца XIX – начала XX вв. В данной статье освещается отношение российских изданий эпохи пореформенной модернизации к проводимой имперской администрацией образовательной политике на территориях Центральной Азии. Отмечаются различия консервативных, либеральных и демократических взглядов на цели и методы создаваемой в мусульманской среде системы образования. Освещается отношение публицистов к неоднозначному восприятию русской администрацией традиционной местной школы. Особое внимание уделяется критике непоследовательности и колебаний правительственной политики в сфере образования. Выявляются конструктивные предложения публицистов, направленные на обеспечение синтеза некоторых аспектов традиционных и российских учебных заведений, способствующего аккультурации местного населения и постепенной интеграции региона в состав Империи. В работе использовались историко-генетический метод, дающий возможность проследить за развитием процесса отражения образовательной политики России в Центральноазиатских владениях на страницах отечественных изданий; сравнительный, – позволяющий установить общее и особенное в ее восприятии публицистами; принцип историзма, раскрывающий их отношение к образовательной политике власти в историческом контексте эпохи начала XX в. Проблема отражения образовательной политики России в Средней Азии в периодических изданиях того времени так и не стала предметом специального анализа. Консервативные авторы выступали за политику религиозной терпимости, распространение русской школы и включение в ее учебный процесс подрастающего поколения местного населения. Главной задачей образовательной политики в регионе для либералов долгое время являлось снижение уровня мусульманского фанатизма, приобщение к цивилизации с помощью развития образования, реформирование русско-туземных школ, медресе и мектебе, предоставление культурной автономии населению региона, необходимость синтеза светской и национальной школы. Народнические издания предлагали использовать общественный ресурс в деле создания и развития местной школы. Представители всех направлений сходились в том, что лишь с помощью образования, распространения европейских ценностей возможно преодолеть культурную изоляцию региона, национальный и религиозный экстремизм, подрывающие основы его интеграции с Россией.

Ключевые слова:

Русское богатство, Вестник Европы, Исторический вестник, Русская мысль, Православный благовестник, Северный вестник, Российская империя, Кауфманский сборник, Образовательная политика, Центральная Азия

Введение.

Исследование отношения к вошедшей в состав Империи Центральной Азии российского общественного мнения, сфокусированного в начале XX в. в отечественной публицистике, сохранил свою актуальность и в наши дни. Дело в том, что проблема аккультурации мусульманского населения, которую пыталось решить имперское правительство России на присоединенных центральноазиатских территориях, сегодня, правда в иной форме и иных исторических условиях, вновь возникла перед страной. Ее «возвращению» мы во многом обязаны трудовой миграции, возродившей острую дискуссию эпохи освоения Туркестана о методах и путях приобщения инокультурного

населения к «русской гражданственности». Так в начале XX в. называлось, и как представляется, более точно, то, что сегодня звучит как русская культура, национальные ценности. Иными словами, актуальность теме во многом придает феномен инверсии, связанный с тем, что уход России из Среднеазиатских республик в конце XX в. во многом привел к их своеобразному «возвращению» в лоно российской цивилизации вместе с теми проблемами, которые в свое время пыталась решить Империя.

В публицистике начала прошлого века столкнулись мнения о путях приобщения мусульманского населения Туркестана к российскому обществу, о методах и целях культурного освоения региона, перспективах его интеграции в состав Империи. Звучала и острая критика в адрес правительственного курса, исследование которой позволяет определить контуры сложившихся в стране общественно-политических дискурсов. С другой стороны, отношение различных изданий к культурной политике в регионе, становилась частью их национальной программы, анализ которой дает возможность лучше понять позиции консервативных и либеральных сил России того времени.

Целью данной статьи является выявление и осмысление отношения различных изданий России начала XX в. к образовательной политике имперских властей в Туркестанском крае.

Задачи работы заключаются в определении особенностей отношения консервативных и либеральных течений России к традиционной мусульманской школе; рассмотрении предлагаемых ими путей создания системы образования в регионе; выявлении влияния общественного мнения России на выработку программы культурного освоения региона и путей его интеграции в состав Империи.

В современной литературе образовательная политика России в Средней Азии получила определенное освещение^[1]. Однако проблема ее отражения в периодических изданиях того времени так и не стала предметом специального анализа.

Источниками для написания статьи послужили материалы российской периодики того времени^[2], а также мемуары участников освоения региона^[3].

В работе использовались историко-генетический метод исследования, дающий возможность проследить за развитием процесса отражения образовательной политики России в Центральноазиатских владениях на страницах отечественных изданий; сравнительный, - позволяющий установить общее и особенное в ее восприятии различными публицистами; а также принцип историзма, раскрывающий их отношение к образовательной политике власти в историческом контексте эпохи начала XX в.

Исследование.

Российские ученые и чиновники, участвующие в освоении недавно присоединенных территорий Центральной Азии, отмечали их существенные отличия от регионов, ранее включенных в состав Империи. Основным источником этого своеобразия они находили в монопольном положении ислама, оказывавшем доминирующее влияние на духовную жизнь и быт местного населения. Так, директор Туркестанской учительской семинарии Н.П. Остроумов в духе православного миссионерства утверждал, что крайне низкий культурный и образовательный уровень жителей региона определялся религией и традициями, которые «...подавляют всякое свободное проявление мысли и чувства»^[4]. Именно в утверждении и распространении светской школы как главного инструмента просвещения местного населения многие сторонники консервативного течения общественной мысли России видели основной вектор образовательной политики

администрации в регионе. Притом аккультурация центральноазиатских народов воспринималась как не менее, если не более сложная задача, чем политическая интеграция края в состав Империи, или освоение его пустынных территорий.

Примечательно, что имперские власти, вынужденные учитывать настроения мусульманского населения, его приверженность исламу и традициям и, стремясь в целях предотвращения социальных взрывов интегрировать местную элиту, проводили более взвешенную, прагматическую политику. Ее содержание наиболее четко и образно сформулировал первый генерал-губернатор Туркестана К.П. Кауфман, провозгласивший необходимость «игнорирования ислама», что на практике означало веротерпимость и невмешательство имперской администрации в местную жизнь^[5]. Правовые же основы деятельности учебных заведений в крае, разработанные при непосредственном участии К.П. Кауфмана, включали в себя создание «... управления по учебной части, которому подчинялись все существующие в Туркестанском крае русские и инородческие училища»^[6]. В целом, правительственный курс, сочетавший в себе политику невмешательства в деятельность мусульманских учебных заведений со стремлением установить свой контроль, характеризовался непоследовательностью и внутренней противоречивостью^[7]. Эти колебания в проведении образовательной политики находили отражение на страницах различных отечественных изданий рубежа XIX – XX вв., которые своими публикациями привлекали внимание русской общественности к проблемам управления Центральной Азией, способствовали поиску оптимального курса ее интеграции.

Регулярно к проблемам образования в Русском Туркестане во многом по долгу службы обращались местные чиновники, использовавшие страницы центральных изданий не только для освещения положения дел в учебных заведениях региона, но и публикации своих предложений о необходимых, согласно их мнению, изменениях. При этом предпочтение они отдавали тем консервативным изданиям, которые зачастую оппонировали политике царской администрации, указывая на ее ошибки и промахи.

Участник походов в Среднюю Азию, оставивший ряд очерков по истории Туркестана Ю.Д. Южаков на страницах консервативного «Русского вестника» отмечал достижения власти в распространении светского образования в крае, например, в создании ташкентской мужской и женской гимназий, а также учительской семинарии. При этом их появление он связывал, прежде всего, с деятельностью первого губернатора края К.П. Кауфмана^[8]. К заслугам администрации Южаков относил и проводимый ею курс веротерпимости. Однако обратной стороной религиозной толерантности являлось, по его мнению, недостаточное внимание к положению православия в регионе^[9].

В итоге, одним из результатов политики «игнорирования ислама», становилась утрата русской администрацией контроля за положением дел в туземной школе – мектебах и медресе. «Мы совершенно не знаем, чему учат сартовских детей фанатики и муллы и киргизских детей ещё более фанатичные татары, - писал он. – Но, во всяком случае их идеалы и понятия строго мусульманские, несомненно враждебные русскому владычеству и Русской национальности»^[10]. Таким образом, бесконтрольная деятельность создаваемых при мечетях туземных школ, их приверженность исламским традициям, препятствовали, как полагал публицист, утверждению русской культуры на недавно присоединенных территориях, а в итоге, - их интеграции в состав Империи.

Автор предлагал осуществить ряд мер, направленных на решение этой проблемы. В частности, для установления контроля над учебными учреждениями он считал необходимым вести преподавание только по книгам, издаваемым в России, на русском

языке, прошедшим к тому же строгую правительственную цензуру. Иначе, по его мнению, правительство рискует потерять контроль над этой окраиной империи, а «... Туркестанский край навсегда останется мусульманской обособленной, замкнутой и политически неблагонадёжной страной...»^[11].

Таким образом, чиновник, с одной стороны, с консервативных позиций критиковал образовательную политику правительства, упрекал его в пассивном отношении к утверждению православия, а, следовательно, согласно его точке зрения, к приобщению местного населения к русской культуре. С другой стороны, Южаков отмечал успехи распространения образования, находил в этом основу развития региона. В целом он выступал за распространение русской школы, выполняющей цивилизаторскую миссию и создающей культурные условия для его интеграции в состав Империи.

Крайне неоднозначную оценку на страницах российских изданий получила деятельность местных школ – мектебе и медресе. Так о них, как о рассадниках суеверия, не приносящих никакой пользы ни властям, ни населению писали некоторые авторы «Православного благовестника»^[12]. По мнению издания, в этих учебных учреждениях «... знания, предметы обучения и самый метод изучения их ничего прогрессирующего не имеют, а напротив, искусственно удерживают ум и мышление учащихся на той ступени развития, которую европейские народы пережили уже много столетий назад»^[13]. Таким образом, в местной школе авторы издания видели основной барьер на пути просвещения населения, его приобщения к достижениям цивилизации.

Власти, хотя периодически и обсуждали тему необходимости усиления контроля над деятельностью местных школ, все же отказывались от принятия решительных мер и не препятствовали созданию новых мектебе и медресе. Так, в примечании к статье 98-й «Туркестанского положения» 1886 г. указывалось, что «Волостным и сельским обществам туземцев дозволяется содержание открываемых при мечетях школ (медресе и мектебе) относить на общественные средства, не принуждая однако ни в коем случае к платежу сбора на сию потребность, не желающих участвовать в оном»^[14]. Таким образом, администрация не мешала созданию местных школ, правда, лишь за счет самих жителей.

Следует заметить, что на рубеже веков русские власти сохраняли противоречивое отношение к традиционным учебным заведениям. С одной стороны, особенно после Андижанского восстания 1898 г., они вынашивали планы реформирования местной школы. Но с другой, опасаясь всплеска религиозных протестных выступлений, отказались от проектов внедрения в традиционную школу преподавания русского языка.

К тому же в начале XX в. в Туркестане получили распространение «новометодные» мектабы, составлявшие конкуренцию русской школе и несущие в себе, по мнению властей, угрозу распространения идей либерализма и панисламизма^[15]. В этих условиях русская администрация все более воспринимала традиционные учебные заведения как гарант сохранения порядка, т.е. «меньшее зло», чем школа, реформированная на новых образовательных принципах.

Таким образом, несмотря на критику традиционной школы, чиновники ее в итоге поддерживали, увидев в ней интенции, хотя и противоречащие цивилизаторской миссии Империи, но в большей степени соответствующие интересам власти в регионе.

Состояние русской культуры в Центральной Азии получило освещение в ряде очерков известного писателя-путешественника Е.Л. Маркова. В консервативном «Русском

обозрении» он публиковал травелоги, в которых описал развитие системы образования в Туркестане. Особое его внимание привлекло положение дел в русской мужской гимназии Ташкента. Марков, констатируя количественное преобладание русских учеников, обратил внимание на возрастание числа представителей местного населения, прежде всего, киргизов. Их заметное присутствие в гимназии Марков объяснял тем, что киргизы «... более доверчиво относятся ко всему русскому, да и мусульмане не Бог знает какие строгие»^[16]. Таким образом, привлечение местных детей в светскую школу публицист связывал с поверхностным восприятием кочевниками-киргизами ислама и их толерантным отношением «ко всему русскому». Иначе воспринимали обучение своих детей в русской школе оседлые земледельцы Средней Азии, за которыми в то время закрепилось название сарты (в 1924 г. этот термин был отменен как «оскорбительное наследие колониального прошлого» - *авт.*).

По мнению Маркова, наиболее активно против обучения местных детей в русских школах выступало «мусульманское духовенство», опасавшееся «... что этим путем мы мало-помалу переманим всех Сарты в христианство»^[17].

Особую роль в развитии образования в регионе Марков отводил учительской семинарии. «Удачно подготовленный учитель, - писал он, - это своего рода маленькая духовно-завоевательная область в обширных пределах наших внешних завоеваний, еще совершенно чуждых нам по духу»^[18]. Таким образом, деятельность учителя, повсеместное распространение русской школы в регионе автор отождествлял с его политическим завоеванием. В итоге, будущее Центральной Азии публицист связывал с осуществлением с помощью школы духовного преобразования местных народов, ведущего, согласно его предположениям, к русификации и интеграции края.

Особые надежды местная администрация возлагала на русско-мусульманские школы. Однако Марков весьма критически оценивал перспективы совместного обучения, полагая, что на пути его развития стоит несовместимость христианства и ислама. На практике же она проявлялась в разнонаправленности усилий муллы и русского учителя, и, особенно, их неравноправного положения. «Соединить в одной школе муллу и русского учителя, - писал он, - задача едва ли не безнадежная. Мулла в глазах учеников-сарты всегда будет главным и настоящим учителем их и единственным хозяином школы. Мулу поддерживает и почитает весь окружающий их мир, отцы и братья их, а русский учитель является жалким, от всех отверженным пришельцем, которого терпят только из горькой необходимости...»^[19].

Таким образом, Марков обосновывал необходимость распространения именно русских школ, а попытки создания совместных образовательных учреждений рассматривал как напрасную трату средств и усилий.

Ряд консервативных авторов не так однозначно, как Марков, рассматривали перспективы деятельности совместных школ, видели в них вслед за некоторой частью местной администрации основное направление развития образования в регионе. «Эти школы, - надеялся генерал-губернатор Н.О. Розенбах, - должны были ближайшим и самым верным путем объединить бытовые и экономические интересы всех народностей Туркестанского края с общегосударственными и содействовать прочному и окончательному слиянию всех этих народностей с великой семьей коренного русского народа...»^[20]. Таким образом, именно в совместных школах местные власти видели средство не только русификации, но и интеграции всех народов Центральной Азии в составе Империи.

Публицисты обращали внимание на рост доверия к русскому образованию со стороны коренного населения, особенно в районах его совместного проживания с русским поселенцами^[21].

В целях преодоления культурного изоляционизма местных народов предлагалось усилить внимание к обучению молодежи русскому языку, что создавало условия для ее привлечения к государственной службе в интересах России^[22]. В православном издании было отмечено, что интерес к совместным школам со стороны местных жителей возрастал там, где по распоряжению генерал-губернатора на административные должности принимались в первую очередь лица, их окончившие^[23].

Средством культурной ассимиляции учащихся в совместных школах, согласно предложению некоторых чиновников, становились, наряду с преподаванием предметов на русском языке, поездки выпускников в европейскую часть России. Развитие образования в Центральной Азии воспринималось изданием делом государственной важности, направленным на то, чтобы «...сделать из Туркестанского края такой же бесспорно русский край, каким уже сделались Поволжье, Сибирь и Северный Кавказ»^[24].

Таким образом, самым перспективным и действенным путем не только культурного развития региона, но и его интеграции консервативное издание считало русификацию образования, подготовку и обучение местной молодежи согласно программам и методам, апробированным в русских губерниях.

Примечательно, что основные идеи православного журнала были поддержаны ученым-ориенталистом, исследователем Центральной Азии Н.П. Остроумовым. Главное предназначение совместных школ он видел в создании условий для сближения русского и местных народов. Для этого, по его мнению, следовало не только вводить обучение на русском языке, но и давать возможности ученикам поступать в дальнейшем в школы и высшие учебные заведения на территории самой России. Одно из средств русификации образования Остроумов видел в подготовке учителей для совместных школ из числа местного населения^[25]. Представляется, что в целом проекты ученого преобразования русско-туземных школ не выходили за рамки национально-консервативного дискурса, направленного, прежде всего, на русификацию местного населения.

Структурные изменения государственного строя России, происходившие после принятия Манифеста 17 октября 1905 г., уравнение в правах мусульман и православных, вызывали необходимость реформирования и образовательной политики в Туркестане. В новых условиях Остроумов стал призывать Министерство народного просвещения не только усилить внимание к деятельности национальных школ, но и вводить педагогические новации. Вместе с тем он обосновывал недопустимость насаждения в мусульманской школе западных заимствований, выступал за сохранение ее многовековой самобытности. Школьный курс, по его мнению, может быть лишь подвержен систематизации и обновлению в дисциплинах, не касающихся мусульманского вероучения (математика, история, география, философия)^[26]. Представляется, что анализируя результаты деятельности новометодных школ, Остроумов, как и ряд русских администраторов, увидел в них угрозу распространения идей свободы и панисламизма, усиливавших сепаратистские тенденции в регионе. Именно поэтому он стал терпимее относиться к местной национальной школе, выступал лишь за ее частичное реформирование, не допуская при этом никакого насилия, способного вызвать протест местных жителей.

Однако позднее его взгляд на местную школу как гаранта сохранения стабильности и традиций претерпел изменения. Постепенно именно в ней он стал видеть скрытую угрозу позиции России в регионе.

В статье с красноречивым названием «Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае», опубликованной в «Кауфманском сборнике», посвященном 25-летию со дня смерти К.П. Кауфмана, ученый отметил, прежде всего, вклад первого губернатора в развитие основанного на принципах веротерпимости образования в крае. Вместе с тем, учитывая вызовы времени, он стал обосновывать необходимость усиления контроля над мусульманскими образовательными учреждениями, где, по его мнению, получили распространение идеи панисламизма и пантюркизма. «... Нельзя оставлять без внимания и без надзора многочисленные мусульманские мактабы и мадрасы, - утверждал публицист. - Пора сознаться в своей ошибке относительно их предполагавшейся нежизнеспособности и взять их в свои руки; под влиянием ошибочного взгляда на туземные школы, мы не охранили киргиз от влияния сартов и татар, и притом не тех старых татар, которых знал покойный К. П. фон-Кауфман, а новых татар, младо-татар, стремящихся к прогрессу и единению с мусульманами всего мира. Первый генерал-губернатор мог об этом и не думать, а нам, современникам «турецкого единения и прогресса» нельзя закрывать глаза на действительный и грозный факт и не принимать соответствующих мер; иначе мы останемся при одних словах, а татары сделают за нас дело, которого поправить будет уже нельзя»^[27]. Таким образом, положение России в регионе в изменившихся исторических условиях, защиту ее геополитических интересов ученый тесно связывал с утверждением государственного контроля над местными школами.

Консервативные авторы в своем большинстве отмечали позитивные последствия не только присоединения региона к России, но проводимой там культурной политики. Особая заслуга имперской власти, по их мнению, заключалась в создании условий для постепенного развития образования в Туркестане. Вместе с тем, констатируя увеличение числа учащихся в местных школах, они признавали крайне медленные темпы роста совместных русско-туземных школ, что вызывалось, прежде всего, силой традиции мусульманского образования^[28]. Хотелось бы заметить, что в консервативных журналах не акцентировалось внимание на недостаточности средств, направляемых на их создание.

Либеральные издания, хотя и реже чем консервативные, также обращались к теме развития образования в Центральной Азии. При этом зачастую они использовали материалы, подготовленные официальными авторами, частично повторяя некоторые их выводы.

Так, военный востоковед и чиновник М.А.Терентьев на страницах либерального «Вестника Европы» в противовес официальному курсу утверждал, что прогресс в местном школьном образовании не наступит до тех пор, пока «... туркестанская школа держится на мусульманском вероучении»^[29]. При этом, он полагал, что «политика наша есть политика самопожертвования, более тратящая на покоренных, чем приобретающая от них. Наш великорусский крестьянин платит чуть не втрое более чем, например, поляк, а получает назад, в виде школ, дорог, мостов, больниц – чуть не вдесятеро менее. Об азиатских подданных наших, платящих всего до 1 р. 10 коп. с души, и не несущих ни постоянной, ни рекрутской повинностей, и говорить нечего. Эта политика проведена по всей нашей истории и составляет одно из ее блистательных отличий. Если этот путь ведет к тому, что теперь истинный мусульманин начинает держаться относительно своего

ближнего, как подобает доброму христианину, то я готов простить ему его мусульманство! Наш христианский космополитизм есть наша сила, наша слава и будущность»^[30].

Таким образом, Терентьев считал исторически обоснованными все затраты имперского правительства на развитие Центральной Азии, включая образование, ибо они вели к интеграции региона и аккультурации местного населения. При этом он готов был поддерживать политику веротерпимости, проводимой администрацией в той степени, в которой она гарантировала сохранение лояльности, уважение к власти и чужой христианской вере со стороны народов Туркестана.

В ряде либеральных изданий, обращавшихся к образовательной политике России в Центральной Азии, весьма критически оценивалась ее практическая реализация. Так, дипломат и ученый Н.Ф. Петровский упрекал администрацию за пассивность, неспособность привлечь местное население к образовательному процессу. По его словам, «... мы даже не указывали туземцам, путем собственного примера, ничего такого осязательно полезного, в чем они могли бы подражать нам; в течении десяти лет мы не обучили их, на почве коммерческо-практической, им хорошо знакомой, ничего такого, в чем бы они могли видеть и понять выгоды нашей европейской цивилизации. Мы показали им только нашу военную силу и наши деньги, которые мы бросали перед их изумленными взорами»^[31]. Иными словами, русские власти, по мнению ученого, ограничившись установлением своего политического господства, так и не приступили к разработке и реализации планов просвещения местного населения, без которого невозможна была культурная интеграция региона.

Вместе с тем, часть либеральных авторов полагала, что у России были все условия не только для политического, но и культурного утверждения в Туркестане. Так, по мнению Э. Циммермана, «между русским населением края и туркменами не существует тех противоречий, какие есть между англичанами и индусами. Народы, входящие в состав России органично существуют в соседстве со славянским населением». Автор полагал, что среднеазиатские народы не фанатичны, в отличие от их единоверцев в Индии, что и давало возможность русским выполнить «... цивилизаторскую миссию... в Средней Азии без всякой слишком тяжкой для туземцев ломки и с гораздо большими задатками на успех, чем в Индии»^[32].

Одним из средств утверждения России в регионе либеральные авторы, в отличие от консервативных, считали увеличение государственных затрат на его культурное развитие. Так, по мнению М.И. Венюкова, рост расходов в сфере народного образования и медицины в Туркестане способствовал сближению местных жителей и русских. «Доверие сартов к европейской науке, - писал он, - оказывается и в другой сфере, именно в области медицины. Русские докторши лечат не только женщин, но и детей, и очень популярны в Ташкенте»^[33].

В либеральных изданиях отмечался весьма низкий образовательный уровень среднеазиатских народов, который образно сравнивался с «...морем невежества»^[34]. Притом мусульманские школы, «дающие лишь механическое знание Корана и норм шариата», изменить ситуацию не могли. Поэтому лишь в распространении светской школы, в которой необходимо было использовать учебную литературу как на русском, так и на туземном языке, автор видел средство распространения «...полезных знаний, разгоняющих мрак невежества...»^[35].

Создание такой школы требовало немалых средств, но лишь образовательная политика, опирающаяся, по мнению публициста, не на прагматический расчет, а принципы христианской морали могла изменить духовную жизнь местных народов, а в итоге, привести их «... к сближению с Россией»^[36].

Основную же задачу России в недавно приобретенном крае либеральное издание видело все же не в достижении геополитических целей, а в осуществлении своей исторической культурной миссии. По словам публициста, она состояла «... в приобщении народов Средней Азии к общечеловеческой цивилизации. За гнет татарщины мы должны заплатить потомкам орд, некогда покоривших Россию, вовлечением их в мировую культурную работу всего человечества. И понятно, что, исполняя эту задачу, Россия должна обратить самое серьезное внимание на то, чтобы обеспечить материальное и культурное существование новых своих подданных и этим сделать их ревностными и искренними своими сочленами и через них влиять также на прогресс в своих ханствах. Россия должна приложить все усилия к возможно скорейшему распространению среди народностей Туркестана просвещения, законности и прочных основ материальной обеспеченности»^[37]. Таким образом, в соответствии с либеральными принципами, дополненными нормами христианской морали, основные задачи политики России в регионе автор видел в приобщении коренного населения к ценностям культуры посредством развития светского образования.

В либеральных изданиях развитие образования в регионе связывалось с необходимостью учета и сохранения национальных особенностей. Притом в условиях Думской монархии либеральные авторы стали поддерживать идею развития культурной автономии края, как одного из решающих условий его подлинного преобразования. Неизвестный публицист «Вестника Европы» утверждал, что мусульмане России представляют собой сплоченный слой населения с определенными требованиями и задачами, которые заключаются в предоставлении национально-областных автономий, с представительными учреждениями, основанными на широких демократических принципах. По его словам, «разумно поставленная школа и широкое самоуправление - это единственный верный путь для создания дисциплинированных и политически воспитанных граждан»^[38]. Таким образом, именно в предоставлении прав самоуправления и развитии светской школы либеральное издание видело будущее Туркестана, залог обеспечения стабильности, формирования гражданского общества в мусульманском крае и его сохранения в составе Империи.

Оригинальный взгляд на развитие образования в Туркестане предложил один из авторов народнического журнала «Северный вестник». Анализируя его состояние в Семипалатинской области, он отметил необходимость создания общественного органа, наподобие земства во внутренних губерниях России, который занимался бы контролем над деятельностью народных школ, объединял бы усилия «культурных классов общества»^[39]. Одна из первоочередных задач, по его мнению, заключалась в подготовке высокопрофессиональных учителей, в распространении знаний и просвещения, а не только одной грамотности. При этом автор весьма критично оценивал положение дел в мусульманских школах, которые, по его словам, не дают образования и насаждают «...тупой фанатизм и изуверство, ещё увеличивающее рознь между народностями татарской и русской»^[40].

Выход из положения он видел в насаждении светского образования среди мусульман, целью которого, в отличие от консерваторов, считал не обрусение народов, а

распространение просвещения^[41].

Одним из условий создания и развития светской школы, по его мнению, должна была стать «...наивозможнейшая дешевизна содержания, ибо на ней будет лежать задача дать первоначальное образование не десяткам единиц, как в интернатах, а десяткам тысяч детей, что возможно лишь при небольших расходах на каждую школу»^[42]. Таким образом, народнический публицист обосновывал необходимость создания массовой, светской школы в регионе, одним из руководителей которой должны были стать общественные организации земского типа. Он обосновывал также необходимость получения этой школой не только административной, но и финансовой автономии, что создавало бы условия для решения общекультурных, а не государственно-политических задач.

Вместе с тем в народнических изданиях, хотя и говорилось об общественной инициативе, отмечались и сложности, стоявшие перед частными лицами при создании школы^[43]. Так обосновывалась идея согласно которой, лишь совместные усилия государства и общества могли обеспечить развитие светского образования в регионе.

Заключение

Анализ отношения отечественной публицистики к образовательной политике России в Средней Азии позволил выявить следующее. В основе восприятия большинством русских авторов культурных задач в данном регионе лежала идея о цивилизаторской миссии России, призванной самой своей историей нести просвещение народам Туркестана.

Однако для консервативных изданий, в целом поддерживавших официальный курс, основная цель образовательной политики, особенно в условиях обострения международных противоречий начала XX в., все более наполнялась прагматическим содержанием, предполагавшим проведение аккультурации населения и интеграцию региона в состав Империи.

Наиболее оптимальным средством утверждения России в образовательном пространстве региона часть консерваторов считала распространение русской школы и включение в ее учебный процесс подрастающего поколения местного населения. Однако сложность этой задачи, требующей значительных средств и кадров, сила традиций и доминирование ислама, определяли терпимое отношение администрации к местным школам. К тому же, ради сохранения стабильности в регионе власть опиралась на поддержку местных элит, которая во многом обеспечивалась за счет сохранения позиций традиционной школы.

Часть консервативных авторов поддерживала политику религиозной терпимости, начало которой положил К.П. Кауфман, выступала за необходимость не только развития образования в регионе, но и изучения самого мусульманского мира. «Нет у нас людей, знающих хорошо духовный мир мусульманина, - сокрушался один из публицистов, - мало администраторов, пригодных для совершенно (увы!) неведомого нам Туркестана»^[44]. Таким образом, автор ставил перед русской администрацией практическую задачу изучения мусульманского мира как средства не только культурной политики, но и предотвращения народных выступлений в регионе.

Либеральные издания не вдавались в детали образовательной политики русской администрации в регионе, ограничиваясь в основном общими оценками действий властей по созданию светской школы. Главной задачей образовательной политики в регионе для либералов долгое время являлось снижение уровня мусульманского

фанатизма, приобщение к цивилизации с помощью развития образования.

Вместе с тем они предлагали планы реформирования русско-туземных школ, медресе и мектебе. Наиболее последовательная часть либералов выступала за предоставление культурной автономии населению региона, обосновывала необходимость синтеза светской и национальной школы, осуждала проскальзывающие в некоторых изданиях характеристики народов Центральной Азии как «невежественных дикарей». Следует подчеркнуть, что в целом в русской публицистике отсутствовали расовые подходы в отношении к народам Востока.

Некоторые либеральные публицисты подчеркивали, что российское правительство, присоединив Центральную Азию, так и не удосужилось познакомиться с особенностями исламской культуры, что и повлекло за собой неудачи в управлении завоеванным краем. Вот почему либералы призывали изучать местную культуру и обычаи, доказывая, что лишь на основании полученных знаний возможно провести преобразования в сфере культуры, добиться положительных результатов в освоении края.

Народнические издания предлагали использовать общественный ресурс в деле создания и развития местной школы.

Следует заметить, что власть осознавала роль периодических изданий в освещении культурной политики, видела в них средство формирования общественного мнения и пропаганды «цивилизаторской миссии» России. Не случайно с просьбой чаще излагать факты реализации этой миссии обращался к знаменитому издателю А.С. Суворину генерал-губернатор туркестанского края А.Б. Вревский^[45].

Представляется, что в печати нашел отражение рост внимания русской администрации к проблеме образования народов Средней Азии. При этом на страницах различных изданий отмечалось, что в деятельности русско-туземных школ власти видели средство аккультурации местного населения, тогда как традиционные образовательные учреждения, во всяком случае, с конца XIX в., ими все более воспринимались как рупор распространения антирусских панисламских настроений. Специалисты, служащие в регионе отмечали рост числа совместных школ с 30 - в конце XIX в., до 90 - к началу Первой мировой войны^[46].

Представители всех направлений сходились в том, что лишь с помощью образования, распространения европейских ценностей было возможно преодолеть не только культурную изоляцию региона, но и национальный экстремизм и религиозный фанатизм, подрывающие социальную стабильность края, основы его интеграции с Россией.

Библиография

1. А.П. Из общественной жизни Ташкента // Русское богатство. 1904. № 9. С. 169-193.
2. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 годы). М., 1960. 509 с.
3. Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Народное просвещение в Центральноазиатских владениях Российской империи как объект аккультурации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. Т. 1, № 1, 2019. С. 5-13.
4. Венюков М. Туркестанские вопросы // Русская мысль. 1899. № 9. С. 474-503.
5. Волков И.В. Роль России в исторических судьбах народов Средней Азии: дореволюционный период. М., 2018. 584 с.
6. Ларусин С. Народная школа в киргизской степи // Северный вестник. 1889. № 5. С.

43-60.

7. Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане. (1865–1917). Елец, 1998. 319 с.
8. Лыкошин Н.С. Полжизни в Туркестане. Пг., 1916. 415 с.
9. Марков Е.Л. На Оксусе и Яксарте // Русское обозрение. 1893. № 12. С. 619-661.
10. Милищ (псевд) О мусульманском движении // Вестник Европы. 1912. № 8. С. 356-371.
11. Н.М. Русско-туземные мусульманские школы в Туркестане // Православный благовестник. 1900. № 12. Июнь. С. 356-371.
12. Остроумов Н.П. Константин Петрович фон Кауфман-устроитель Туркестанского края. Личные воспоминания Н. Остроумова (1877–1881 гг.) Ташкент. 1899. 286 с.
13. Остроумов Н. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае// Кауфманский сборник. 1910. С. 139-160.
14. Остроумов Н.П. Мадрасы в Туркестанском крае // Журнал министерства народного просвещения. 1907. № 1. Часть 7. С. 1-51.
15. Остроумов Н.П. Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал министерства народного просвещения. 1906. № 2. Часть 1. С. 113-166.
16. Остроумов Н.П. Характеристика религиозно-нравственной жизни мусульман, преимущественно Средней Азии // Православный благовестник. 1880. № 6. С. 229-324.
17. Павловский Е.Н. Очерки Самаркандской области // Исторический вестник. 1911. № 12. С. 1118-1143.
18. Петровский Н. Очерки Кокандского ханства // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 722-757.
19. Письмо А.Б. Вревского Суворину А.С. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. ед. хр. 806. 1 п. 26 марта 1908 г.
20. Русско-туземные школы Сыр-Дарьинской области в 1898 году // Православный благовестник. 1899. № 3 (февраль). С. 120-121.
21. Т-ов С. Андижанское восстание и его причины // Исторический вестник. № 5. 1908. С. 666-670.
22. Терентьев М. Туркестан и туркестанцы // Вестник Европы. 1875. № 10. С. 65-112.
23. Туземные учебные заведения в Туркестанском крае: медресе и мектебе // Православный благовестник. 1897. № 14. Июль. С. 250-258.
24. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. № 9. С. 787-812.
25. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае // Исторический вестник. 1913. № 10. С. 34-55.
26. Письмо А.Б. Вревского Суворину А.С. РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. ед. хр. 806. 1 п. 26 марта 1908 г.
27. Шкапский О. Аму-дарьинские кулаки перед судом Шариата и казиев // Русская мысль. 1898. № 8. С. 46-66.
28. Шкапский О. Прошлое и настоящее Туркестана // Вестник Европы. 1915. № 6. С. 131-157.
29. Южаков. Ю.Д. Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем // Русский вестник. 1891. № 8. С. 1-51.
30. Центральная Азия в составе Российской империи. (С. Абашин, Д. Арапов, Н. Бекмаханова и др.) М., 2008.
31. Циммерман Э. По закаспийской железной дороге // Русская мысль. 1889. № 3. С. 17-44.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На протяжении долгих столетий Россия развивается как полиэтническое государство, в котором на пространствах 1/6 части суши проживают народы, отличающиеся языком, культурой, конфессиональной принадлежностью, хозяйственным укладом. Как справедливо отмечает Президент Российской Федерации В.В. Путин, именно в многонациональности заложена сила России. Именно в рамках укрепления многонациональных отношений представляется важным обратиться к изучению исторического опыта межнационального взаимоотношения, а также присущих отдельным этносам особенностей. К слову, всем известна культурная политика Советского Союза в отношении народов Средней Азии, но гораздо менее известна данная политика в имперский период.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является отношение различных изданий России начала XX в. к образовательной политике имперских властей в Туркестанском крае. Автор ставит своими задачами определить особенности отношения консервативных и либеральных течений России к традиционной мусульманской школе, показать предлагаемые ими пути создания системы образования в регионе, выявить "влияние общественного мнения России на выработку программы культурного освоения региона и путей его интеграции в состав империи".

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать отношение различных изданий России начала XX в. к образовательной политике имперских властей в Туркестанском крае. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 30 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Российского государственного архива литературы и искусства, а также материалами периодической печати. Из используемых исследований отметим труды Д.В.Васильева и С.В. Любичанковского, а также К.Е. Бендрикова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения культурной политики Российской империи в Центральной Азии. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как образовательной политикой в целом, так и образовательной политикой в Средней Азии, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "проблема аккультурации мусульманского населения, которую пыталось решить имперское правительство России на присоединенных центральноазиатских территориях, сегодня, правда в иной форме и

иных исторических условиях, вновь возникла перед страной". В работе показано, что "несмотря на критику традиционной школы, чиновники ее в итоге поддержали, увидев в ней интенции, хотя и противоречащие цивилизаторской миссии Империи, но в большей степени соответствующие интересам власти в регионе". Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи,

"культурной ассимиляции учащихся в совместных школах, согласно предложению некоторых "чиновников, становились, наряду с преподаванием предметов на русском языке, поездки выпускников в европейскую часть России".

Главным выводом статьи является то, что

представители либеральных и консервативных направлений "сходились в том, что лишь с помощью образования, распространения европейских ценностей было возможно преодолеть не только культурную изоляцию региона, но и национальный экстремизм и религиозный фанатизм, подрывающие социальную стабильность края, основы его интеграции с Россией".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках стратегий межнациональных отношений.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".